Наш добрый Мурат-ага

Category: Edebi makalalar,Kitapcy
написано kitapcy | 24 января, 2025
Наш добрый Мурат-ага НАШ ДОБРЫЙ МУРАТ-АГА

Вся сознательная жизнь Мурата Реджепова, который вот-вот должен отметить свое восьмидесятилетие, связана с печатью Туркменистана. За долголетнюю и безупречную работу в печати ему присвоено почетное звание «Заслуженный работник культуры Туркменистана». А сколько у него учеников – не перечесть. Даже в так называемые застойные годы этот человек, как многие его коллеги не занимался написанием хвалебных од. Его многочисленные материалы, появлявшиеся на страницах газет, отличались своей строгостью, критикой. Многие из этих материалов остались в нашей памяти.
Сегодня я нахожусь в гостях у почтенного журналиста, человека с большим жизненным опытом. Беседа, начатая на тему знакомства друг с другом, житья и бытья, обрела более серьезный характер.
– Более полувека тому назад я начал работать в газете «Совет Трукменистаны», – рассказывает Мурат ага. – В редакции газеты в то время мало было туркмен. Редактором газеты являлся татарин по имени Хусейн ага. Фамилия его была Хусейнов, имя – Абдулла. Но все мы в знак уважения звали его Хусейн ага. Было ему примерно лет пятьдесят. Времена были не простые. Приходилось искать образованных людей искать и привлекать их к работе в газете. Берды Кербабаев тогда занимал должность заведующего литературным отделом. Буквально рядом с ним трудился Гараджа Бурунов. Работали мы рука об руку с Дурды Халдурды, Агаханом Дурдыевым, Дурды Агамамедовым. И тем не менее большинство наших сотрудников были татарами. Рызаков заведовал сельскохозяйственным отделом, Маметджанов руководил отделом партийной жизни, Алмакай – работал собкором по Марыйскому велаяту, а Довлетшин – литсотрудником. Ахмеда Шарипа мы тоже знали как литсотрудника. Словом, кто только не работал в нашей редакции. Трудился в нашей газете и некий Халмурат Гулназар. Человеком был старых взглядов. Работал и

Сахат Ниязов. Звали его иногда и Сахатниязом муллой. Сахатнияз ага был среди нас самым образованным, эрудитом. Несмотря на то, что получил он образование в старой школе, он был мастером правки материалов. Руководил он отделом писем. Был человеком преклонного возраста. Говорили, что он был коренным ашхабатцем. По всей вероятности проживал по соседству с Балакаевыми. После ухода на пенсию переехал в село. И там скончался. Но многому он нас обучил. Среди работников редакции кого только не было. Были и армяне, и азербайджанцы. Обычно материалы писались на русском языке, а уж после этого переводились на туркменский язык. Перед тем как отдать материал на машинку, мы показывали его Сахатниязу ага. Невзирая на то, кто мы, – азербайджанцы, армяне либо туркмены – все материалы отдавали именно ему…

Мурат Реджепов, поступивший на годичные курсы журналистов в 1930 году, открывшиеся при Ашгабатской советской партийной школе, еще не знал, что всю свою остальную жизнь посвятит печати. Тридцать юношей окончили эти курсы. Был это первый выпуск. Лишь двое остались работать в газете. Это были Мурат Реджепов и Эмин Чарыев. Впоследствии Эмин переходит на работу собственным корреспондентом газеты по Чарджоуской области.

– Многое сделал Хусейн-ага для воспитания туркменских национальных кадров. Помогал по возможности материально, поддерживал духовно. Обычно говорил: «Не стесняйтесь, говорите в чем нуждаетесь!» Словом, заботился о каждом сотруднике редакции. Защищал от нападок. После его вмешательства никто слова не мог нам сказать. Он умел оперативно связаться с Советом Народных комиссаров, Центральным Комитетом. Доходил до того, что мы могли обзавестись одеждой и обувью за счет предстоящего авторского гонорара. Всегда помогал он в трудных для нас ситуациях. Словом, он все делал, чтобы из редакции люди не уходили. Время было странное: куда направят, туда и идешь работать. Б журнал «Дехканин», значит в этот журнал, в женский – значит в женский журнал. Приходилось готовить нашей редакции и радиоматериалы.

Работал с нами Бяшим ага из Кеши. Был у него велосипед. И странно было видеть в ту пору бородатого туркмена на

велосипеде. Он приезжал к нам для того, чтобы забрать готовые материалы для радио. И что удивительно, успевал на редкость опрятен. Первый мой материал, который опубликован в газете, назывался «Храпеть либо пострадавший». Под материалом стояла подпись «Валла». В материале речь шла о том, как на суде вместо обвиняемого пострадал совершенно невиновный человек. Итак мой материал помог пострадавшему освободиться из тюрьмы. Все сотрудники редакции имели псевдонимы. Иначе можно было пострадать, могли покуситься на жизнь. Был случай – прямо во дворе редакции был убит корреспондент по фамилии Гараханов.

Работал с нами поэт из Гарадамака Дурды Непесов. Носил очки. За то, что тот пишет критические материалы его прямо дома зарубили топором и опустили в колодец. Только через несколько дней нашли его тело.

Некоторое время мне довелось работать вместе с Оразом Тачназаром – известным поэтом. Хорошим был человеком, весьма грамотным. Многому я научился у него. До этого никто нас не учил, учились на своем горьком опыте. Мы от него научились главному – какие материалы в газету давать, а какие нет. От него мы узнали, что материалы должны носить классовый характер. Многое он рассказал нам о национальном вопросе, о дружбе, братстве. Всегда здоровался с нами первым, вежливо пожимая руку…

В 1932 году Мурата ага направляют на работу в Ташауз. До его прибытия писатель Ата Нияз работал ответственным секретарем Йыланлынской районной газеты. Газета называлась «Тэзе гуйч», что в переводе на русский означает «Новая сила». Редактором был Овлякули Сердар.

Между редактором и Ата Ниязом возникли и разногласия. Ата Нияз писал частенько острое критическое материалы, но по вине редактора они не всегда попадали на страницы газеты. Обидевшись на редактора Ата Нияз решил возвратиться в Ашгабат. Здесь он трудился в секретариате газеты «Совет Туркменистаны». Так уж случилось, что Мурада ага направили на место Ата Нияза. В те годы газета печаталась в Дашховузе. Потому что типография находилась в городе. Сама редакция тоже находилась здесь же.

– При написании материалов нам приходилось скрывать свои

имена. Опасались. И не зря. Могло случиться всякое. Псевдонимы наши были простыми. Например, «Свидетель», «Знающий», «Сосед», «Друг мой» и т. д.
В те годы сельские корреспонденты активно сотрудничали с газетой. Я частенько писал материалы за подписью «Свидетель», «Знаток». Нашим активным корреспондентом был Беки Сейтаков, работавший в те годы учителем родного языка в Ильялинском интернате. Однажды я спросил Беки не хотел ли он работать в редакции. Беки согласился.
Я ему уже всерьез говорю:
— Если уеду в Ашгабат будешь работать вместо меня? Беки был конкретен и ответил:
— Буду работать.
Первым секретарем Ильянлинского райкома партии в те годы работал Мухаммет Назаров. И пошел к нему на прием. Еще в Ашгабате мне сказали, если подготовишь смену, можешь возвращаться в столицу. Объяснил М. Назарову, что подготовил смену. Вместо меня будет работать Беки Сейтаков.
Ммухаммет Назаров оказался коренным ташаузцем. По национальности был узбеком. Впоследствии он работал в Ашгабате у Сухана Бабаева помощником. Был золотым человеком. Журналистам оказывал всяческую помощь. Секретарь райкома партии согласился с моим предложением. Уже собираюсь в дорогу, приезжаю в Ташауз и заглядываю к своему другу журналисту Худайгулы Тачкулиеву. Смотрю здесь из Ашгабата приехал Нурджан Аманов. Разговорились. Выясняется, что с транспортом туговато. Нечем меня отправить меня в Ашгабат. И тут Худайгулы предлагает мне:
— Недавно осуждено несколько басмачей. Предстоит их этапирование до Ашгабата. Сопровождающие их милиционеры являются моими родственниками. Если хочешь, можем и тебя с ними отправить.
Я посмотрел на Нурджана, тот кивнул головой в знак одобрения.
Вот так я присоединился к осужденным басмачам и отправился в путь. В дороге разговорились. Так называемые басмачи оказались просто бедными дехканами. Ну я возьми да спроси у одного из них: «Каким образом стал басмачом?» Тот отвечает: «Много

задолжал баю. Он заставил меня поджечь магазин». Другой отвечает: «Бай заставил ограбить колхозный склад». Третий чуть ли не рыдает: «Меня бай заставил изнасиловать девушку. Избегая родственников девушки я попал к басмачам». Оказывается эти люди никакого вреда не принесли государству. Просто идя на поводу баев совершили преступление.

Долго добирались мы на машинах до Дарганата. Все машины грузовые, движутся медленно. С трудом добираемся до Ходжейлинской чайханы, где переночевали, а утром опять тронулись в дальний путь. К вечеру добрались до Чарджеве. Оказывается мои спутники никогда в жизни не видели поезда. Как поезд загудит, все соскакивают из машин и начинают прятаться. В Чарджеве я с басмачами расстался. Бог весть знает куда их отправили на поезде.

По возвращению в Ашгабат Мураду ага сообщают, что в Фарабе создается газета и ему следует стать ответственным секретарем газеты. И здесь Мурад ага налаживает выпуск нового издания. Вначале газета выходила на туркменском языке, затем её начали выпускать на узбекском. После этого Мураду ага было снова суждено возвратиться в Ашгабат. Но и тут не повезло. Искушенному журналисту сообщают, что при Керкинской МТС открыт политотдел и необходимо наладить выпуск газеты. Опять Мурад ага становится ответственным секретарем здешней газеты. Редактором газеты являлся Хуснутдинов, по национальности татарин. Павел Ионывеч являлся начальником политотдела. У него было несколько заместителей: один курировал ГПУ, другой партийную работу вел, третий руководил комсомолом. Четвертый занимался женским вопросом.

— Заместителем по партийной работе был Агаджанов — по национальности армянин, по комсомольской работе — Хошвагытов, замом по женским вопросам — Гылыджова, а по ГПУ — Мурат Баратов.

Довлет Мамедов являлся секретарем Керкинского окружкома партии. Женой его была Ружицкая, работала по линии просвещения. Довлет Мамедов был человеком высокого роста, стройным, светлолицым. Человеком был деловым, умел решать все вопросы, удовлетворить любую просьбу, если она касается

работы. Честно говоря все руководящие работники тех времен могли оперативно решать все вопросы.
Наше продовольствие и одежда поступали из Москвы.
Впоследствии политотдел начал завоевывать позиции и права райкома партии. Работники политотдела начали не выполнять указания райкома. После этого политотделы были ликвидированы…
После ликвидации политического отдела он возвращается в Ашгабат. Выходит с просьбой в Центральный Комитет о направлении в высшую сельскохозяйственную коммунистическую школу. Так как он являлся комсомольцем, его принимают на годичные комсомольские курсы при этой школе. Затем продолжает учебу в этой школе. С ним вместе учился и Хивали Бабаев.
После окончания школы редактор газеты «Яш коммунист» Нагым Кадыров приглашает его на работу на должность заведующего отделом. Но он возвращается в свой родной коллектив.
В 1937 году многие его коллеги были арестованы. Были репрессированы Рызаков, Алмакай… многие другие. И к каждому находили обвинение. Гулназара ага тоже арестовали. Арестовали и никто не знал почему и за что.
— По окончании школы начал работать. Был принят в партию. Потом пошло и поехало. Избрали секретарем первичной партийной организации. Началась Великая Отечественная война. Все первичные партийные организации работников печати и союза писателей были объединены в одну организацию. Теперь я являлся секретарем объединенной партийной организации. Мяти Косаев тогда работал заместителем редактора газеты. Редактором был Ашыр Аннабаев. Ашир ага не был столь грамотным, но от окружающих отличался своей человечностью. Мог понять любую душу. И всегда старался хоть в какой-то мере облегчить твою заботу, твое горе. Мне иногда приходилось обращаться к нему чтобы тот подписал письмо с просьбой оказать помощь семьям фронтовиков в виде фруктов, овощей, зерна. И он шел на это — подписывал такие письма, хотя многие редактора не могли найти в себе смелость и подписать такие письма. С таким письмом мне приходилось обращаться к начальнику железной дороги Михайлову. Как известно, времена были трудные, выбить у начальника дороги вагоны — это было целой проблемой. Но я был хорошо знаком с

Михайловым и он всегда шел мне навстречу. Поэтому я всегда с добротой отзываюсь об Ашир ага.
Берды Кербабаев тогда еще не был членом партии. Мурат Реджепович спрашивает у него «Берды ага, не хотите ли вы вступить в ряды членов партии. И тот отвечает «Хочу!».
Подал заявление. Я переговорил с Центральным Комитетом, объяснил им: «Вот, дескать у него было такое прошлое. И я хотел бы с вами посоветоваться». Шаджа Батыров тогда сказал: «А мы думаем о выдвижении его кандидатуры на избрание народным депутатом». Пообещал, что позвонит в райком, чтобы там не возникла какая-то загвоздка.
Кстати, в райкоме его не замучили вопросами. Прием прошел нормально.
… Верстаем газету. Остается окно. Думаем, чем же заполнить? Мяти Косаевич предлагает четверостишие Махтумкули. Говорит, что именно оно подходит. Смотрим: так оно и есть, все кстати.
На войну многие из наших работников ушли. Ушли безвозвратно. Ушел на фронт переводчик Гурбанмурат Эембердиев, Мухаммет Бабаев, тоже переводчик, сотрудник секретариата редакции Дурды Халдурды, Помма, Шалы Кекилов – работал в отделе сельского хозяйства…
Мурат ага – человек милый и добрый. Никто не слышал, чтобы он повысил голос. Человек принципиальный, умеющий сказать правду в глаза. Всякое встречалась на его журналистском пути. И всегда он находил выход из создавшегося положения, искал и находил правильные решения. У него были свои доводы. О некоторых из них рассказывает сам Мурат ага.
Первый довод. (Событие происходило в Ашгабате в год, когда произошло землетрясение).
– Однажды сидел и работал в редакции. Некий товарищ по имени Довлет пришел к нам в редакцию. Прошелся по всем отделам. Заявил: «Питьевая вода, поступающая в Ашгабат по дороге используется в поливных целях». Все сотрудники редакции выслушали его внимательно, но никто не захотел заняться этой темой. Я зашел к заместителю редактора Джурменек и попросил разрешения написать материал на эту тему. Редактор газеты Ш. Ташлиев находился тогда в отпуске.

Первым долгом зашел в облводхоз и заявил, что имеется жалоба и ее необходимо проверить. Начальник посоветовал мне не делать этого и заявил что толку не будет. Я, естественно, ответил, что постараюсь сделать так, чтобы было все же что-то предпринято, и спросил у него, чем он сможет помочь мне. Может ли дать мне автомашину для объезда и своего представителя. Но начальник не был заинтересован в моей проверке.

В те времена редакция не располагала автотранспортом. Подумал, как же мне поступить? И вспомнил: ведь у меня же есть хороший знакомый – это управляющий делами Совета Министров ТССР. Являясь супругом Гозель – дочери Берды Кербабаева, Язмурат был человеком добрым. Ну я ему выложил всю свою просьбу. Он согласился, и я вместе с опытной журналисткой Ольгой Александровной Лодзинской отправился на проверку жалобы. Начали проверку с Гарадамака, продолжили до Багира. Выявили огромное количество незаконно выданных участков. Тем более эти участки принадлежали руководителям города, начальнику облводхоза, даже председатель исполкома имел свой незаконный участок.

Стоит май месяц, деревья сохнут, опадают листья, а у них все в порядке. Подготовил я такой материал, даже сопроводил карикатурой. Трудно представить сколько было откликов. В те годы было опасно выступать с такими материалами. Славу богу обошлось без казусов, газетный материал был обсужден на заседании Совета Министров. Там решили весь урожай, а это были овощи и фрукты, передать в детские дома.

Еще один довод. (Он принадлежит к концу шестидесятых годов).

– В Небитдаге строилась птицефабрике. Объект принадлежал Министерству сельского строительства. Проверил жалобу. Оказывается план там был выполнен всего лишь 30 процентов. По всей вероятности проект стройки был составлен в спешке. Даже бункера для кормления птиц были изготовлены из бетона, хотя можно было бы их изготовить из простого железа. Начальника стройки никогда нельзя застать на стройке, он все время находился в командировке, то на Украине, то в Прибалтике, то еще где-то. Бывать-то бывал, а вот опыт у себя не внедрял. Ну, а я возьми и напиши критический материал. Вызывает меня к себе

редактор и говорит:
— Звонил первый секретарь Небитдагского горкома партии. Он тоже член ЦК. Я должен его слушаться.
— Пусть кто угодно звонит, — отвечаю я. — Если в материале что-то не так написано, то отвечать буду я. Можете наказывать. Если в материале все написано верно, то никто не может его задерживать. Я хорошо знаю свои права.
— Тогда ты покажи материал заведующему отделом строительства ЦК. Пусть он прочтет. Если одобрит, то материал опубликуем.
— Я не писал такой материал, чтобы кто-то его одобрял. Главное — я сам одобряю свой материал, — настоятельно отвечал я. Словом, он уговорил меня. Заведующий отделом ознакомился с материалом и говорит.
— Для проверки на месте я направлю своего инструктора.
— Можете проверять после публикации материала, — стоял я на своем. — Если ваш инструктор поедет, то пусть возьмет с собой и меня.
— Он должен заехать и в Бахерден, — говорит заведующий отделом. Чувствую, что тянут решение вопроса.
Переговорили и с министром строительства Сетдаром Мовлавым. Тот тоже решил поехать в Небитдаг. Спросили у меня взять ли мне билет я ответил, чтобы не беспокоились, доберусь как-нибудь сам. Вечером сел на поезд и утром добрался до Небитдага. Встретились мы с ними в гостинице.
Все вместе направились к первому секретарю городского комитета партии. Начали проверку. Министр ск4азал мне тогда: «Да, Мурад ага, дела оказались похуже, чем в вашем материале». Представитель ЦК сказал, что свое согласие дать не может без разрешения ЦК. Я ответил, что не нуждаюсь в его согласии. Потому, что я на эту тему уже беседовал с Мовлавым. Он пообещал, что вопрос вынесет на обсуждение на заседании коллегии. Я тогда убедился в его порядочности.
Материал мой появился в газете. Виновные понесли наказание.
Мурад ага не может без волнения рассказывать об Ашгабатском землетрясении.
— В те времена наши редакции находились на улице Лабинской на месте нынешних кинотеатра «Ватан» и Министерства образования

Туркменистана. При землетрясении мы недосчитались своих нескольких коллег. Были и такие журналисты, которые проявили мужество. Был у нас переводчиком Аллаяр Хыдыров. Придешь утром на работу, а он уже диктует материал на машинку. Во время землетрясения у него под руинами осталось шесть или семь самых близких людей. Мы удивлялись откуда у него берется столько силы и энергии.

Не можем выпустить газету. Несколько человек послали в Мары, чтобы наладить там выпуск газеты. Но потом отказались от этой затеи. Редактором нашей газеты был тогда Шамурат Ташлиев.

Секретарем по пропаганде ЦК КП(б)Т Гара Эсенович Алиев. По профессии он был учителем, пришлось у него учиться и мне. Однажды зашел он к нам в редакцию. Кроме меня в это время никого из сотрудников не оказалось.

Поздоровались, Гара Эсенович поинтересовался нашими делами. Спрашивает меня: «А что если мы здесь установим палатки?». Я ответил, что было бы лучше, если они будут установлены поближе к типографии. Он согласился с моим предложением и пошел искать редактора, но не нашел. Потом появился редактор и я ему рассказал о нашей беседе с секретарем ЦК, о его предложении по установлении палаток во дворе типографии. В тот же день во дворе типографии начали устанавливать палатки.

Потом Ташлиев предложил нам тут же построить временное здание редакции. Мне, Какали Бердыеву, Маммеду Сеидову, Ага Таганову, Тогалаку ага получили разобрать кирпичи свалившегося здания. Редактором потом шутил говоря: «Самую важную работу редакции делаете вы. Сделаем так, чтобы каждый из вас получил средний гонорар». Свое слово редактор сдержал…

Мурада ага пришлось в своей жизни работать с различными редакторами. А работал он с Хусейн ага, Оразом Тачназаровым, Аширом Аннабаевым, Шамуратом Ташлиевым, Курбандурды Курбансахатовым, Ата Атаджановым, Чары Маталовым, Нурджаном Амановым, Мамедом Бадаевым, Бегенчем Керими… Мурад ага добрыми словами вспоминает каждого из них. Не скупится и на критику. Он хорошо знает в какие годы и как осуществлялось партийное руководство прессой. Имел деловые отношения со многими руководителями партии и правительства. В этом отношении он

часто вспоминает Балыша Овезова, работавшего в шестидесятые годы первым секретарем ЦК Компартии Туркменистана.

— Однажды мы с писателем Какали Бердыевым поехали в командировку в село Тутлы Гызыларбатского этрапа. Там нам посчастливилось принять участие в празднике чабанов. Сказали, что прибудет на торжество первый секретарь КП КПТ Балыш Овезов. Я его знал еще с Ташауза, где он работал. Прибыли гости. Я тоже захотел с ним поздороваться. В ту пору помощником Б. Овезова был Гринберг. Он дал мне знак мне понять, что к Овезову подходить нельзя. Но Балыш сам подошел ко мне. Пришлось вместе с гостями пройтись по селу. Сначала мы зашли в школу. Затем заглянули в магазин. Балыш спросил у завмага: «Чем богаты, чего не хватает?» Завмаг ответил, что все есть. тогда Балыш Овезович обращаясь к завмагу говорит: «Ну что же в таком случае дайте нам десять-двенадцать красивых чайников!» Завмаг отвечает: «Чего нет, того нет». Тогда пять-шесть шерстяных платков дайте! — продолжает Б. Овезов. Но и платков не оказалось. Балыш Овезович продолжает: «Тогда дайте два-три ковра». И ковров не оказалось. Тогда Балыш и говорит завмагу: «ты же говоришь все есть. А сам не даешь?» Но завмаг оказался человеком с юмором и отвечает: «Видите ли я думал, что вы попросите соль, спички, веревку. А те товары, которые вы просите у нас в дефиците у нас!» Б.Овезов согласился с завмагом, и сказал: «Да, это действительно так. Но мы планируем в Бюзмейине ковровую фабрику. В Чарджеве будем выпускать шерстяные платки, а в Ташаузе — фарфорную фабрику. Вот тогда эти товары не будут числиться в дефиците. Я на эту тему говорил с Косигыним и тот дал нам добро на строительство этих предприятий».
Мурат ага живет в Ашхабате. Вот уже около десяти лет он находится на заслуженном отдыхе.

«Политический собеседник» № 4, 1994 год. Edebi makalalar